

Говард Филлипс Лавкрафт

Он (He)

Я встретил его бессонной ночью, когда в отчаянии брел по улице, пытаюсь спасти свою душу и рассудок. Мой приезд в Нью-Йорк был ошибкой. Мне хотелось новых острых ощущений, хотелось испытать душевный подъем, но современные исполинские аналоги Вавилонской башни, черной графикой взмывавшие ввысь на фоне убывающей луны, и бесконечно сменявшие друг друга лабиринты древних улочек, паутиной опутавших площади, гавани, заброшенные дворы, вызвали лишь обратный эффект: я испытывал безотчетный ужас, был чрезвычайно подавлен, угнетен, и это состояние все больше овладевало мной, угрожая парализовать, поглотить и уничтожить меня.

Разочарование нарастало постепенно. Когда я впервые увидел с моста окутанный сумерками город, он показался мне сказочно-прекрасным: геометрические шатры его зданий волшебными цветами проглядывали сквозь пелену лилового тумана, над которым, словно заигрывая с огненными облаками и нарождающимися звездами, вздымались причудливые шпили. А потом призрачный город украсился блесками вечерних окон, органично вписавшись в общую картину удивительной гармонии мерцающих в заливе огней и басовитых гудков пароходов. Теперь он и сам был чудом, звездным сводом мечты, пробуждающим в памяти чарующие мелодии, подобно Каркассону, Самарканду, Эльдorado и прочим легендарным городам. Когда я бродил по милым моему сердцу узким извилистым улочкам с их георгианскими домами из красного кирпича, которые маленькими слуховыми окошками над колоннами парадного входа смотрели сверху вниз на позолоченные портшезы и деревянные кареты, у меня мелькнула вожденная мысль, что наконец-то мне ниспослан бесценный дар, способный со временем пробудить дремлющего во мне поэта.

Однако надеждам не суждено было сбыться, и счастье длилось недолго. В ослепительном дневном свете уходящие в бесконечность каменные башни, коим луна придавала колдовское очарование, стали несуразными и нелепыми, а толпы людей, бороздивших тесные колеи улочек, все эти тучные смуглые незнакомцы с угрюмыми лицами и прищуренным взглядом, казались мне злобными, инородными в окружающем пейзаже чужаками, не умеющими мечтать и не имеющими ничего общего с голубоглазым пращуром давних времен, который всем сердцем любил зеленые лужайки и пирамидальные крыши белых новоанглийских деревень.

Вот так мои грезы о поэзии канули в черном омуте до дрожи пугающей пустоты и беспросветного одиночества, открыв мне страшную правду, запретную тайну тайн, о которой никто прежде даже помыслить не смел. Я понял, что это средоточие камня, скрипа и шума не является естественным продолжением Старого Нью-Йорка, как Лондон – Старого Лондона или Париж – Старого Парижа. Раскинувшийся передо мной мертвый город напоминал покойника, чье тело было плохо забальзамировано и кишело странными живыми существами, не похожими на тех, что населяли его при жизни. Осознав это, я потерял сон. Впрочем, утраченное спокойствие мне отчасти удалось

восстановить, выработав привычку не выходить на улицу до темноты, которая помогала вернуть толику прошлого, привидением бродившего поблизости: в призрачном вечернем сумраке даже старые белые двери домов вспоминали крепких парней, некогда переступавших порог этих жилищ. Немного покоя – и я, почувствовав облегчение, написал несколько стихотворений. Нет, мне пока рано возвращаться домой, я еще не проиграл. Только полное фиаско могло вынудить меня позорно уползти обратно.

В одну из таких бессонных ночей я и встретил его. Это произошло в каком-то неприглядном дворе на окраине Гринвича, который я наивно считал районом поэтов и художников и где поселился, дабы окунуться в атмосферу их естественной среды обитания. Допотопные дорожки и старинные дома, площади и дворы, представавшие моему взору в самых неожиданных местах, пленили меня. Даже обнаружив, что громкоголосая эксцентричность поэтов и художников – не более чем мишура, что всем своим образом жизни они отрицают чистую красоту, а значит, и рожденные ею поэзию и искусство, я, тем не менее, из любви к этим вечным ценностям остался в Гринвиче, где, как мне казалось, они главенствовали, пока город не поглотил мирную деревню. В предрассветные часы, когда даже запоздалые гуляки не тревожили ночную тишину, я в одиночестве блуждал по пропитанным мистикой закоулкам города в поисках тайн, которые оставили потомкам поколения живших там прежде людей. Это пробуждало мою душу, наполняя ее мечтами и видениями, столь необходимыми уютящемуся во мне поэту.

Во время одной из таких прогулок я столкнулся с незнакомым человеком. Было часа два ночи, когда пасмурное августовское утро еще не пробило себе дорогу сквозь тьму, а я обследовал вереницу внутренних двориков, ныне доступных только через неосвещенные передние домов, но в прежние годы представлявших собой непрерывную единую цепь живописных аллей. О них ходили неясные слухи, однако, не отмеченные ни на каких современных картах, преданные забвению, они лишь еще больше притягивали меня, и я разыскивал их с удвоенным рвением. Теперь же мой энтузиазм и вовсе зашкаливал, ибо поиски увенчались успехом; в расположении этих дворов я уловил смутный намек на то, что они – всего лишь малая часть как две капли воды похожих на них двойников, таких же темных и глухих, непонятным образом втиснувшихся в небольшие лакуны между высокими стенами домов и глазницами дверей черного хода пустующих съемных квартир или спрятавшихся позади неосвещенных сводчатых арок, где иноязычная речь не нарушает тишину, которую оберегают замкнутые необщительные художники, избегающие публичности и дневного света.

Он заговорил со мной без приглашения, отметив мое приподнятое настроение; не укрылось от него и то, какие взгляды я бросал на крылечки с железными поручнями и на двери с дверными молоточками, поскольку в лучах неяркого света, струившегося из горящего окна, меня было хорошо видно. Мне же разглядеть его лицо не удалось, ибо он стоял в тени, да к тому же был в старомодной широкополой шляпе, которая отлично сочеталась с не менее старомодным плащом. Еще до того, как он обратился ко мне, я ощутил беспокойство. Невероятно худой, он больше смахивал на призрака, чем на живого человека, и голос у него был какой-то загробный, тихий, еле слышный, будто исходил не изнутри, а рождался прямо на губах. Он сказал, что уже несколько раз видел меня во время моих прогулок и пришел к выводу, что своей любовью к древним руинам я напоминаю ему его самого. Потом он спросил, не буду ли я возражать против компании

сведущего в этих делах человека, который способен дать мне куда больше информации, чем новичок вроде меня сможет получить самостоятельно?

Пока он говорил, желтый лучик света из одинокого чердачного окошка упал ему на лицо, и за это короткое мгновение я сумел его рассмотреть. Удивительно было встретить в таком месте человека преклонного возраста столь благородной, утонченной, даже красивой наружности. Его лицо понравилось мне, но одновременно что-то неуловимое в нем встревожило меня: возможно, оно было чересчур бледным, или чрезмерно бесстрастным, или слишком контрастировало с окружающей обстановкой, и это не позволяло мне чувствовать себя легко и спокойно. И все же я последовал за ним, ибо в те тоскливые дни лишь поиски радующих глаз древностей и прикосновение к тайнам поддерживали жизнь в моей душе, и я счел щедрым подарком Судьбы нежданного спутника, чьи изыскания, несомненно, превосходили мои.

Видимо, ночь располагала моего провожатого к тишине, и почти час он молча вел меня вперед, лишь изредка коротко комментируя какие-то достопамятные имена или даты либо негромким возгласом направляя в нужную сторону, но чаще указывал мне, куда идти, жестами, когда мы протискивались в узкие проходы, крались на цыпочках по темным коридорам, карабкались на кирпичные стены, долго ползли на четвереньках по длинному извилистому каменному туннелю, отчего я потерял всякое представление о нашем местонахождении. Древности, которые мы видели по пути, были изумительны, во всяком случае, так мне казалось в неверном свете; я никогда не забуду шатающиеся ионические колонны, рифленые пилястры, металлическую ограду с венчающими столбы узорными урнами, окна с рельефными перемычками и декоративные фрамуги, которые становились все причудливей по мере того, как мы углублялись в этот неистощимый лабиринт неизвестной старины.

Встречных прохожих не было, время шло, освещенных окон становилось все меньше и меньше. Поначалу я видел в основном масляные уличные фонари давно вышедшей из обихода ромбовидной формы, позднее заметил несколько со свечами внутри. Затем мы пересекли ужасный неосвещенный двор, где мой провожатый направлял меня рукой в перчатке, помогая пробраться в полной темноте к узкой деревянной калитке в высокой стене, и наконец попали в переулок, по сторонам которого у каждого седьмого дома горели настоящие жестяные фонари в колониальном стиле с коническим верхом и дырками по бокам. Переулок круто шел вверх – круче, чем я полагал возможным в этой части Нью-Йорка – и упирался в увитую плющом ограду частного владения. За оградой я разглядел светлый купол и верхушки деревьев, покачивающихся на фоне бледного неба. Мой провожатый открыл тяжелым ключом низкую арочную калитку из почерневшего дуба, декорированную отделочными гвоздями. Дальше я определял направление в темноте по звуку его шагов, сначала скрипучих – на гравиевой дорожке, затем гулких – на каменной лестнице, которая привела нас к двери в дом. Он отпер ее и распахнул передо мной.

Мы вошли, и мне сразу же стало дурно от царившей повсюду невыносимой затхлости, что, вероятно, было следствием столетий распада и гниения. Мой спутник, казалось, не замечал этого; я из вежливости молча проследовал за ним по винтовой лестнице и длинному коридору в комнату, где услышал, как он запер за нами дверь. Первым делом

он задернул занавески на трех маленьких витражных окошках, сразу бросавшихся в глаза на фоне светлеющего неба, затем, подойдя к камину, ударил кремнем об огниво, зажег две свечи в канделябре на двенадцать подсвечников и жестом призвал воздержаться от громких речей.

Свет, хоть и слабый, позволил мне рассмотреть комнату, представлявшую собой просторную, хорошо меблированную библиотеку примерно первой четверти восемнадцатого столетия: стены были облицованы деревянными панелями, роскошный фронтон и восхитительный дорический карниз украшали дверной проем, а чудесный резной камин венчала антикварная урна с завитками. Над переполненными книжными полками на одинаковом расстоянии друг от друга красовались добротные исполненные портреты, потемневшие и таинственные; фамильное сходство с изображенными на них людьми явно угадывалось в чертах лица человека, который жестом пригласил меня сесть в кресло возле изящного стола в стиле чиппендейл. Прежде чем устроиться напротив, мой хозяин замер на мгновение, словно чем-то смущенный, потом медленно снял перчатки, широкополую шляпу, плащ и театрально застыл, представ передо мной в костюме времен короля Георга – парик, кружевной воротник на шее, бриджи, шелковые чулки и туфли с пряжками, которые я раньше не заметил. Не спеша опустившись в кресло с витой лирообразной спинкой, он принялся внимательно меня разглядывать.

Я не мог не отметить, насколько он стар, что под шляпой было не так очевидно, и даже подумал, не эта ли печать уникального долголетия на его лице стала причиной моего неосознанного беспокойства. Когда хозяин наконец заговорил тихим, старательно приглушенным, то и дело дрожащим голосом, я временами с трудом улавливал суть, поскольку возраставшие с каждым мгновением нервное возбуждение, изумление и не до конца осознанный страх мешали мне слушать его.

– Сэр, – начал он, – как вы видите, я склонен к эксцентричности, но не считаю нужным извиняться за свой костюм перед человеком с острым умом и схожими интересами, каковым нахожу вас. Отдавая должное лучшим временам, я без тени сомнения воссоздаю их для себя, вплоть до одежды и привычек, что не может никого оскорбить, если не выставлять всю эту роскошь напоказ. На счастье, мне удалось сохранить родовую усадьбу моих предков, ныне поглощенную двумя городами, сначала Гринвичем, который, разросшись, добрался сюда после тысяча восьмисотого года, а потом, уже в тридцатых, и Нью-Йорком, вобравшим в себя и Гринвич, и усадьбу. У моей семьи было немало причин оберегать это место, и я в свою очередь также придерживался фамильных обязательств. Сквайр, которому дом достался в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году, изучал кое-какие тайные искусства и сделал кое-какие открытия, связанные с особыми свойствами нашего участка земли, в силу чего необходимо тщательно его охранять. Некоторые любопытные эффекты этих искусств и открытий я теперь намерен показать вам при условии строжайшего соблюдения тайны; полагаю, я достаточно разбираюсь в людях, чтобы не сомневаться в вашем искреннем интересе и в вашей лояльности.

Он сделал паузу, но меня хватило только на то, чтобы кивнуть в ответ. Я уже упоминал, что был встревожен, однако ничто так губительно не сказывалось на моей душе, как реальный материальный мир дневного Нью-Йорка, и кем бы ни был этот человек – безвредным эксцентриком или практикующим апологетом опасных таинств, – я все

равно последовал бы за ним, дабы удовлетворить мою жажду чуда, что бы он мне ни предложил. Поэтому я слушал его.

– Вернемся к моему достопочтенному предку, – тихо продолжил он. – Сквайр обладал рядом особых качеств – прежде всего в том, что касается человеческой воли; такого рода качества, хотя о них мало кто подозревает, влияют не только на действия самого человека и на поступки других людей, но имеют власть над силами и материями Природы, которую по многим параметрам превосходят в своей универсальности. Могу я позволить себе сказать, что он презирал святость пространства и времени, а также весьма странным образом использовал обряды краснокожих варваров, некогда облюбовавших этот холм? Индейцы были сильно разгневаны, когда здесь все застроили, и долго досаждали владельцам земли, стремясь всеми правдами и неправдами попасть сюда в полнолуние. На протяжении многих лет они каждый месяц, как могли, перелезали через стену и творили свои обряды. В шестьдесят восьмом году новый сквайр однажды ночью застал их за этим занятием и, притаившись, долго наблюдал за ними, после чего предложил индейцам сделку, разрешив им свободно посещать усадебные земли и даже совершать ритуалы в обмен на знания, которые они получили от своих краснокожих предков и частично от старого голландца времен Генеральных Штатов. Боюсь, что сквайр – чума на его голову! – намеренно или нет – сыграл с ними жестокую шутку, ибо спустя неделю после того, как ему открыли древнюю тайну, он стал единственным человеком на свете, который ее знал. Вы, сэр, первый, кому я рассказываю об этом, и будь я проклят, если рисковал напрасно, зайдя столь далеко в... сакральную сферу... а вас до сих пор не проняло.

Я невольно вздрогнул от того, как естественно он смешивал в своей речи стили разных эпох.

– Вы должны знать, сэр, – вновь заговорил старик, – что... сквайр... получил от краснокожих дикарей лишь малую часть тех тайных искусств, которые постиг. Он не впустую провел время в Оксфорде и не просто так общался со старым аптекарем и астрологом в Париже. В итоге ему удалось осознать, что окружающий нас мир соткан из дыма наших интеллектов. Чернь не замечает этого, а мудрец вдыхает сей дым, затягивается им как первосортным виргинским табаком. То, что хотим, мы впитываем, ненужное выдыхаем обратно. Не скажу, что это происходит всегда, но и того, что удастся впитать, вполне достаточно, чтобы время от времени устраивать веселенькие представления. Вы, без сомнения, увидите больше, чем способны вообразить; постарайтесь унять свой страх перед зрелищем, которое я вам покажу. Подойдите к окну и стойте тихо.

Хозяин дома взял меня за руку и подвел к одному из двух окон в длинной стене затхлой комнаты; стоило ему прикоснуться ко мне без перчаток, и я сразу ощутил пронизывающий холод. Его плоть, сухая и твердая, обжигала как лед, так что я чуть не отпрянул. Но мысль о пустоте и ужасе окружающего мира вновь сподвигла меня набраться мужества, дабы следовать за моим провожатым куда угодно. Подойдя к окну, он раздвинул желтые шелковые занавески и велел мне смотреть в царившую за окном темноту. Поначалу я не видел ничего, кроме бесчисленных крошечных огоньков, пляшущих где-то вдали. Затем, будто подчиняясь незаметному взмаху руки хозяина

дома, сцена действия озарилась огненной вспышкой, и передо мной открылось море пышной зелени – чистой, девственной, – а вовсе не море крыш, чего по логике вещей можно было ожидать. Справа зловеще поблескивал Гудзон, впереди раскинулось обширное соляное болото, мерцавшее нездоровым светом копошащихся светлячков, скопления которых издали были похожи на созвездия. Потом вспышка погасла, и зловещая улыбка появилась на восковом лице старика некроманта.

– Это было до меня... до нового сквайра. Можем попробовать еще раз.

Я чувствовал себя совершенно обессиленным – даже в большей степени, чем когда город сталкивал меня с ненавистной современной действительностью.

– Боже мой! – прошептал я. – И вы способны так же воссоздать любое время?

Поскольку он кивнул, обнажив в оскале черные корешки некогда желтых клыков, я судорожно вцепился в занавеску, чтобы не упасть, ибо у меня подкосились ноги. Он помог мне восстановить равновесие, но я весь похолодел изнутри от его ледяного прикосновения. Затем он снова сделал едва заметное движение рукой.

На сей раз вспышка высветила картину менее странную. Передо мной за окном раскинулся Гринвич, который и должен был там быть: знакомые крыши и улочки, какими я привык их видеть и сегодня, но вместе с тем – прекрасные зеленые аллеи и лужайки. Вдалеке по-прежнему блестело болото, а за ним виднелись городские шпили – и это был весь Нью-Йорк той поры. Церкви Троицы и Святого Павла, а также Брик-Чёрч доминировали над своими сестрами, и все было подернуто легким туманом древесного дыма. У меня перехватило дыхание, и не столько от непосредственно увиденного, сколько от того, что рисовало мне мое потрясенное воображение.

– Вы можете... осмелиться... еще дальше? – спросил я испуганно, и мне показалось, что он на мгновение разделил мой страх, но тотчас зловещая усмешка заиграла на его губах.

– Дальше? То, что мне дано видеть, способно свести с ума и разрушить даже каменную статую, не то что вас! Что за нытье: назад, назад – вперед, вперед? Как бы вам не лишиться рассудка!

Произнося эти предостерегающие фразы, он одновременно вновь слегка взмахнул рукой, и небо озарила еще более яркая вспышка, чем прежде. Всего три секунды я смотрел на демоническое зрелище, но за эти три секунды мне открылись пространства, которые потом будут мучить меня во снах. Я видел небеса, кишашие странными летающими тварями, а ниже – адский черный город с гигантскими каменными террасами и дьявольскими пирамидами, что варварски вздымались к луне, пылая сатанинским светом в чревах бесчисленных окон. На открытых галереях роились желтые косоглазые обитатели города, облаченные в отвратительные оранжевые и красные одеяния, плясавшие как сумасшедшие под беспорядочный грохот литавр, непристойный стук кастаньет и нарастающие в непрерывной панихиде маниакальные стенания труб, которые, достигнув апогея, постепенно стихали подобно волне неосвещенного асфальтового океана.

Я видел эту картину, слышал мысленным слухом этот богохульный аккомпанемент бесовской какофонии – шумное воплощение того ужаса, что когда-либо пробуждал в моей душе город-труп. Невзирая на запрет нарушать тишину, я, больше не в силах сдерживаться, кричал, и кричал, и кричал, дав волю своим нервам, так что стены дрожали вокруг меня.

Когда вспышка погасла, я осознал, что дрожат не только стены, но и хозяин дома; вызванный моим криком животный страх, сквозивший в его взгляде, был вытеснен гневом, придавшим лицу змеиное выражение. Покачнувшись, он вцепился в занавеску, чтобы не упасть – совсем как чуть раньше я, – а потом дико затряс головой, будто загнанный зверь. Бог свидетель, у него была на то причина, ибо едва замерло эхо моих воплей, как послышался другой звук, настолько жуткий, что лишь оцепенение чувств позволило мне сохранить разум и не потерять сознание. Это был размеренный приглушенный скрип лестницы, которая вела к запертой двери комнаты: казалось, крадучись, босиком или в мягкой кожаной обуви по ступеням поднималась целая орда; наконец раздался негромкий, но решительный скрежет медного замка, блестящего в отсветах свечи. Старик сквозь зубы отрывисто рявкнул на меня, поскольку продолжал качаться, судорожно держась за желтую занавеску.

– Полнолуние... будь ты проклят... ты... ты... визгливый пес... Ты призвал их, и теперь они явились за мной! Мертвецы... в мокалинах... Бог покарает вас... вас... красные дьяволы, ведь я не травил ваш ром... и я хранил вашу чертову тайну – вы сами напивались, сами... дьявол вас подери... а теперь обвиняете сквайра... да пошли вы! Не трогайте замок – здесь вам нечем поживиться...

В этот момент три медленных настойчивых удара сотрясли дверь, и на губах обезумевшего от страха чародея выступила белая пена. Однако испуг, переходящий в отчаяние, не умерил его гнева по отношению ко мне; он сделал шаг к столу, на край которого я опирался. Правой рукой старик по-прежнему держался за ткань занавески, а левой, хватая пальцами воздух, попытался достать меня; занавеска натянулась и сорвалась с карниза, в комнату хлынул лунный свет, предвещавший скорый восход. В зеленоватых лучах луны поблекли свечи, стойкий запах мускуса и гниения вновь наполнил комнату с ее изъеденными червями деревянными панелями, продавленным полом, разбитой каминной доской, расшатанной мебелью и сорванной занавеской, которой теперь был накрыт старик. То ли она так упала, то ли он спрятался под ней от страха, но я видел, как он сморщивается и чернеет, стараясь ухватить меня своими хищными когтями. Только его глаза не претерпели изменений и так же пылали, все сильнее разгораясь, в то время как лицо обугливалось и истощалось.

Стук повторился еще настойчивее и на сей раз с каким-то металлическим звуком в придачу. От находящегося передо мной черного существа осталась только голова с глазами, которая тщетно пыталась по полу подобраться ко мне, периодически испуская слюну в бессильной непреходящей злобе. А удары между тем продолжали сотрясать ветхую дверь все чаще и сильнее, пробивая ее насквозь, и в образовавшихся в дереве щелях был виден блеск томагавка. Я не двигался с места, просто не мог пошевелиться, потрясенно наблюдая, как часть двери рухнула и в пролом устремилось нечто огромное, бесформенное, чернильно-черное, с вкраплением светлых звездочек глаз, сверкающих

злорадством. Эта густая аморфная масса, словно нефтяной поток, окончательно снесла дверь, растекалась по комнате, опрокинула по дороге кресло и, прокладывая себе путь под столом, поползла к обугленной голове, которая по-прежнему испепеляла меня взглядом. А потом черное нечто окружило голову, полностью поглотив ее, и тут же стало отступать, унося с собой свою невидимую добычу. Не касаясь меня, оно сразу направилось обратно к выломанному в двери проему и вниз по скрытой от глаз лестнице; снова послышался скрип ступеней, только теперь постепенно удаляющийся.

Тут подо мной провалился пол, и я оказался в комнате этажом ниже, опутанный паутиной и еле живой от страха. Зеленая луна светила в разбитые окна, в ее лучах была видна полуоткрытая дверь комнаты; я выбрался из-под завала рухнувшего потолка, поднялся с усыпанного штукатуркой пола, отряхнулся и увидел, как мимо пронеслось ужасное черное нечто, сверкающее множеством злобных глаз. Оно искало вход в подвал, а найдя, исчезло из виду. Я почувствовал, что и здесь, как только что наверху, вот-вот провалится пол, поскольку сверху послышался грохот, которым сопровождалось дальнейшее обрушение, и мимо окна в западной стене пролетело что-то, похожее на купол. Понимая, что крушение отсрочено ненадолго, я выбежал из комнаты и помчался к входной двери, но не смог ее открыть, тогда схватил стул и, выбив окно, поспешно вылез на неопрятную лужайку, где лунный свет утопал в густой, почти с ярд, траве и сорняках. Стена была слишком высокой, а все ворота заперты, однако, поставив в углу друг на друга несколько ящиков, мне удалось забраться на них и ухватиться за одну из больших каменных урн, украшавших стену.

Пребывая в ужасном состоянии, я из последних сил огляделся, но увидел лишь странные стены, окна и старинные мансардные крыши. Крутой переулочек, что привел нас сюда, я не смог отыскать, да и картина, представшая моему взору, постепенно погружалась в туман, напоздавший со стороны реки, несмотря на яркий лунный свет. Внезапно урна, за которую я держался, закачалась, словно ей передалась моя дрожь, и в следующий миг я уже падал вниз, не представляя, какую участь уготовила мне судьба.

Случайный прохожий – тот, кто нашел меня, – сказал, что я, вероятно, долго полз, невзирая на переломанные кости, поскольку кровавый след, тянувшийся за мной, уходил куда-то далеко за пределы видимости. Вскоре дождь смыл это свидетельство моих испытаний, и в отчетах было сказано лишь то, что я появился неизвестно откуда у входа в темный двор недалеко от Перри-стрит.

Я никогда не стремился вернуться в тот кошмарный лабиринт и ни за что не направил бы туда ни одного нормального человека, даже если бы мог. Понятия не имею, кем или чем было то древнее существо, но не устану повторять: город мертв и полон ужаса, о котором мы даже не подозреваем. Куда эта нечисть исчезла, не знаю; я отправился домой к чистым переулкам Новой Англии, где под вечер морской бриз наполняет воздух сладостным ароматом.

Перевод: Елена Пучкова

2016 год